

низменных страстей, и даже чистая любовь к Дездемоне не могла заслонить от него суровость вывода: раз требует республика, которой я служу, пусть снова, хотя «постель войны, почтенные синьоры, тверда, как сталь, но я давно привык ее считать своим пуховым ложем!» и «коль скоро я себя сразить позволю сладкой негой сетям любви или позабуду долг, — то пусть мой шлем вперед хозяйкам будет служить горшком...» Отелло Полякова не ревнивец, не чернокожее чудовище, не ослепленный страстью человек. Его Отелло только человек и благороднейший человек, и трагедия Отелло — это трагедия человека, которого заставили усумниться в человеческом качестве своего близкого друга, своей любимой и чистой Дездемоны. Так артист приводит нас к пониманию «Отелло» как трагедии двух начал жизни — чистого, цельного, гармонического и подлого, грязного, цинического. Все остальное только или средство выражения, или тон событий.

Не о ревности, а о человечности писал Шекспир прекрасную трагедию. Но откуда можно сделать подобное заключение? Только из того, что создал поэт, только проникая в глубь того, что он изобразил; только полное проникновение и доверие к поэту может привести к верным результатам: показать то, что сотворил поэт, а не прокомментировали комментаторы.

Поляков доверился только Шекспиру, его могучим мыслям, глубоким чувствам, его человечности, гуманности, правдивости. Отелло—Поляков смотрел на мир честными, лучезарными глазами. В них светилось мужество, стойкость духа, отвага, которая рождалась лишь в трудностях. Отелло страстный человек, но сила воли, сдержанность владеет им вполне. Но раньше всего и прежде всего Поляков показывает Отелло героем без всяких котурн, без всякой рисовки, без ложной приподнятости и аффектации. Свою речь в сенате он держит смело и просто. Рассказ о днях, проведенных в доме синьора Брабанцио, звучит лирической поэмой. Здесь, в доме отца Дездемоны, зарождалось чувство Отелло, здесь она (Дездемона) за муки полюбила, а я за состраданье к ним. Благородный человек с большим достоинством и скромностью, без всякого тщеславия рассказывает о «чарах тех, которыми сумел ее увлечь». Всем своим поведением, всеми своими чувствами, переживаниями, мыслями, Отелло — По-

ляков утверждает в этой сцене свое право на любовь и брак с Дездемоной. Таков смысл этой сцены, так ее играет Поляков.

А. В. Поляков совсем не делает того, к чему так часто прибегают актеры, играющие роль Отелло уже в этой сцене в сенате. Как часто они, чтобы показать характер Отелло, его монументальность, значительность, его трагедийную сущность начинают сжимать кулаки, порывисто дышать, напрягать мускулы своего лица, рук. Неприятное впечатление рождается от этого механического, внешнего напряжения. Эту пресловутую актерскую эмоцию жестоко и ядовито высмеял еще Лессинг. С помощью ее нельзя достигнуть правдоподобия чувств в предлагаемых обстоятельствах. Я видел однажды актера, игравшего Отелло (это был интересный актер Наум Соколов), который весь внешний облик Отелло хотел построить на подобии его движений движениями дикой кошки, барса. Такой походкой он выходил на сцену и в ритме этих движений он проводил всю роль. Внешне получалось занято, но этим приемом никак не раскрывался, не постигался внутренний мир Отелло. Образ терял свою объемность, свою жизненность, глубину.

Иное мы видим в игре А. В. Полякова.

Достаточно взглянуть на два изображения Отелло — Полякова. Вот первое. Яго тонкими намеками вселяет подозрение в Отелло насчет верности Дездемоны. Отелло отбрасывает прочь все намеки; «скорей согласен буду я глупым стать козлом, чем допущу себе унижить душу до таких презрительных и низких подозрений». Но Яго не отстает и разрушает покой души Отелло: «все, все прости! Пробил Отелло час!..» И скорбным взором смотрит Отелло в глаза Дездемоны: где платок, «где он, где он?.. Потерян?.. Он не с тобой?..» Но нет на лице Полякова гримасы безумия, дикой страсти. Нет, Отелло — Поляков страдает, в его глазах мука. Гибнет лучезарный образ Дездемоны, «Дианы чище непорочной». Широким жестом кладет Отелло — Поляков руку на сердце, словно спрашивая у него ответа на свои мучительные сомнения.

И разве не выражает глубокого человеческого страдания лицо Отелло — Полякова, когда он говорит: «Сердце мое обратилось в камень! Ударив по нем, я ушибу себе руку. Но все-таки мир не выдал созданья прелестней!..» И вновь мы видим глубокое человеческое страдание. Поруга-